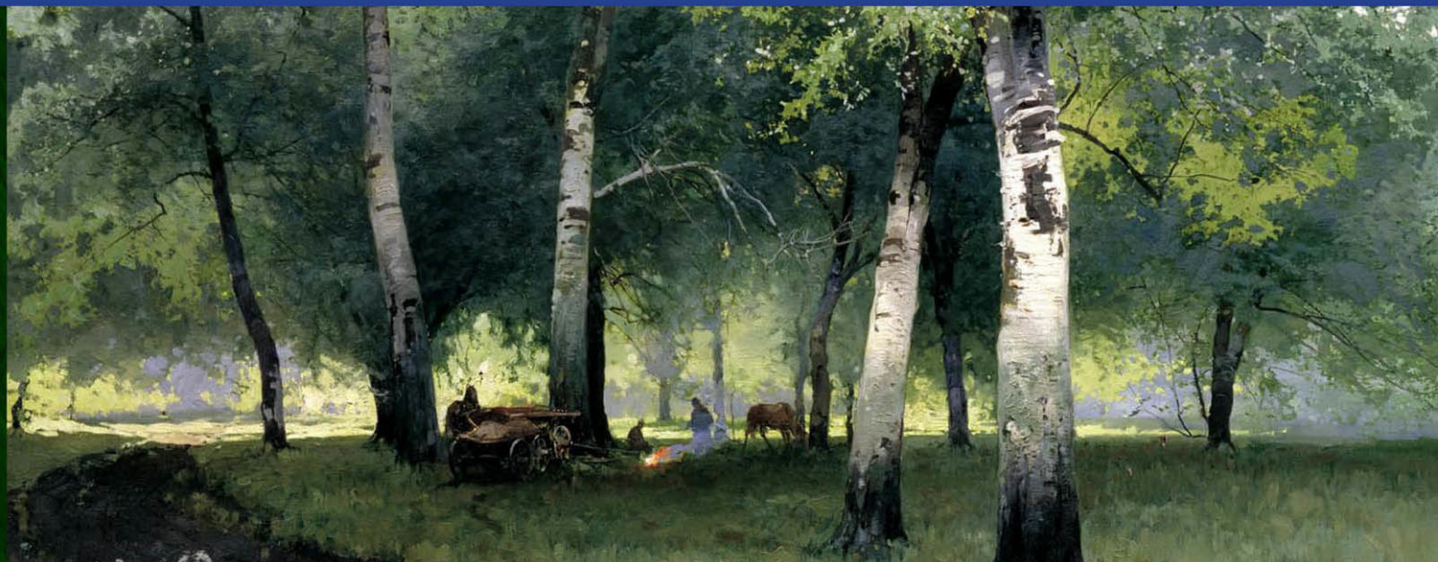


Василь Быков

Пасхальное яичко

ФТМ



Василий БЫКОВ

Пасхальное яичко

«ФТМ»

2000

Быков В. В.

Пасхальное яичко / В. В. Быков — «ФТМ», 2000

«Фамилия его была Выползков, но в этой большой, растянувшейся вдоль дороги белорусской деревне, где он обосновался после войны, его называли Выползком. Тем более что обычно он откликался и на это прозвище, хотя и делал это не без раздражения, а то и с криком, нередко сдобренным злым матом. Но людям было безразлично, как он откликался – за войну люди привыкли к мату и крику – своих, полицаев, немцев и партизан тоже. Привыкли люди, привыкла скотина, особенно лошади. Иная не тронется с места, пока ее не обложат матюгом, в котором одинаково преуспели старые и молодые, мужики и бабы. Не говоря уже о начальстве...»

Василь Быков

Пасхальное яичко

Фамилия его была Выползков, но в этой большой, растянувшейся вдоль дороги белорусской деревне, где он обосновался после войны, его называли Выползком. Тем более что обычно он откликнулся и на это прозвище, хотя и делал это не без раздражения, а то и с криком, нередко сдобренным злым матом. Но людям было безразлично, как он откликнулся – за войну люди привыкли к мату и крику – своих, полицаев, немцев и партизан тоже. Привыкли люди, привыкла скотина, особенно лошади. Иная не тронется с места, пока ее не обложат матюгом, в котором одинаково преуспели старые и молодые, мужики и бабы. Не говоря уже о начальстве.

В то утро Выползок так же привычно, хотя и негромко, про себя выругался, поняв, что проспал. Вечером, укладываясь на ночь, намеревался проснуться пораньше, но вот не пришлось. Сбросив замызганный солдатский ватник, сел на скамье, прислушался к утренней тишине в хате. Ганка за шкафом еще спала с малыши девочками, а он ловко, одной рукой накинул на себя ватник и вышел на еще по-весеннему голый, не успевший зарости бурьяном двор. Как всегда, с самого утра наваливались колхозные заботы, к которым сегодня прибавилась еще и Пасха. Вчера поздно вечером из района прискакал нарочный с только что принятым решением райкома – празднования не допустить, организовать ударную вывозку навоза. Собственно, организовывать вывозку должен был бригадир, но вчера бригадира он нигде не нашел, придется искать сегодня. К тому же бригадир не умел командовать бабами, которые в основном и составляли его бригаду. У председателя Выползка опыта относительно баб побольше было – еще с довоенного времени, когда он организовывал колхозы, да и потом в партизанах, где баб также было немало. Впрочем, всякое случалось и с мужиками и с бабами, даже не сказать, с кем легче было.

Вот и теперь – дождалась Пасхи и спят. Словно после всенощной. Хотя ни обедни, ни всенощной здесь давно не было. От церкви в соседнем местечке остался заросший бурьяном фундамент – как в тридцать третьем сбросили кресты, так и развалилась церковь. А вот в быту опиум упрямо держится, рассуждал председатель колхоза. Вчера вечером в сумерках он пробежал по деревне и заметил, как кое-где при свете коптилок готовились, наверно, красили яйца. Хотя и готовить-то было нечего, колхозники не имели ни муки, ни мяса, да и яиц неоткуда взять – в войну почти вывелись куры. Но разве только здесь? В других местах не осталось и самих деревень, все сожжено, а здешняя деревня все-таки уцелела – при отступлении немцев сторело полдюжины хат. Считай, счастливая деревня, поэтому и требования к ней особые – кормить страну. Но чтобы кормить, надобно работать по-ударному и быть сознательными. С сознательностью же его колхозники явно подкачали. То и дело приходилось принуждать, разъяснять, контролировать. Как вот с навозом. В деревне имелось с десятков коров, а навоз на колхозное поле не вывезли. Не отдают, норовят приберечь для себя – для своих собственных соток.

В облачном небе над притихшей деревней совсем уже рассвело, было не холодно, поутру даже утих все время дувший западный ветер. А на улице по-прежнему ни души. Под амбаром на бревнах, где бригадир обычно собирал свой наряд, также пусто, не видать было и бригадира. Неужто и его, председателя, никто не видит? – начинал злиться Выползок. Видят, конечно, но прячутся, потому что боятся. Эта мысль, как ни странно, слегка согрела душу председателя, потому что, как он понимал, боятся – значит уважают. А уважают всегда людей стоящих, авторитетных, крепких духом и телом. Насчет тела Выползку повезло не слишком – после ранения почти парализовало левую руку, которая теперь едва двигалась. Зато его дух как был непобедимый, таким и остался. Дух настоящего большевика, каким не переставал понимать себя колхозный председатель.

Миновав грязный, забросанный хламом пруд, Выползок перешел дырявый, с шатким настилом мостик и взбежал на ступеньки крыльца, где жил бригадир Козич. Похоже, тот еще спал. Но это черт знает что – бригадир в такую пору должен быть давно на ногах. Еще зимой Выползок ставил перед правлением вопрос о замене бригадира, но правленцы не согласились: молодой коммунист, награжденный, брал Берлин. А что слишком любит залить за воротник, этого в расчет не брали. Кто, мол, не любит? Разве что больной или кому не наливают. Бригадиру же наливали исправно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.